

Ван Даху отлично понимал: он уже мёртв. Погиб в ту дождливую ночь от руки какой-то психически больной женщины, возникшей неизвестно откуда.

Нож вонзился прямо в сердце — смерть наступила мгновенно.

Он воочию наблюдал, как его тело отправили в морг, затем в кремационную печь, а прах поместили в урну и захоронили на кладбище.

— Значит, я теперь призрак? — горько усмехнулся Ван Даху.

По легендам, призраками становятся лишь души, испытывающие сильную привязанность к миру живых. Но Ван Даху знал: он всё ещё не ушёл в «перерождение» лишь по одной причине — он не мог отпустить одного человека.

Своё сокровище, свою жену, своего Жаньжана.

Из-за этой привязанности его дух неотступно следовал за ним. Даже ради одного-единственного взгляда он хотел видеть его снова и снова.

— Даху, иди есть! — мягко позвал Ли Цинжань, сидя за столом.

На столе — четыре блюда и две пары палочек.

В комнате был один человек

и один призрак.

— Тик-так, тик-так... — лишь звук часов нарушал тишину.

Два часа спустя Ли Цинжань спокойно встал и начал убирать со стола. Он один за другим отправил остатки еды в мусорное ведро, затем пошёл в спальню и лёг на кровать.

Ван Даху с тяжёлым сердцем последовал за ним.

Ли Цинжань лежал на кровати, не шевелясь; его глаза были широко открыты, но в них не было жизни.

— Всё ещё не можешь уснуть? — с болью в сердце Ван Даху провёл рукой по его брови.

С тех пор как он умер, Жаньжань больше не спал.

Каждую ночь, каждую ночь он просто лежал с открытыми глазами, молча глядя в пустоту.

— Даху, — позвал Ли Цинжань, голос его звучал отрешённо.

— Я здесь! — отозвался Ван Даху. — Я здесь, я здесь, я всегда рядом с тобой!.. — он опустился на колени рядом с ним, рыдая навзрыд. — Жаньжань, я прямо здесь! Хватит мучить себя, так нельзя... Пожалуйста... Хватит!

Я уже мёртв, но ты ещё жив!

Если моя смерть превращает твою жизнь в мучение, я бы предпочёл, чтобы мы никогда не любили друг друга.

Так что —

Забудь меня скорее!

В первый месяц после смерти Ван Даху Ли Цинжань уволился с работы. Целыми днями, от рассвета до заката, он просто сидел в тишине.

На второй месяц он начал курить и пить, отчего и без того худое тело стало ещё более измождённым.

На третий месяц Ли Цинжань попал в больницу с массивным желудочным кровотечением, но за час до экстренной операции исчез.

Никто не знал, куда он делся, кроме Ван Даху.

Тёмной ночью, у холодного надгробия.

На портрете Ван Даху по-прежнему улыбался своей беззаботной улыбкой.

Ли Цинжань тихо прижался щекой к фотографии.

— Ты правда умер, — в его голосе звучали тишина и печаль. Вспоминая, как мужчина в прошлом клялся ему в вечной любви и обещал беречь всю жизнь, голос Ли Цинжаня внезапно наполнился ненавистью. — Обманщик!

Вися в воздухе, Ван Даху метался в отчаянии:

— Жаньжань, возвращайся в больницу! Ты только что остановил кровь, куда ты побежал?

— Даху, — вдруг прошептал Ли Цинжань. — Я устал, правда устал. Я хочу увидеть тебя, прости меня, хорошо?

— Жаньжань... Жаньжань... Что ты собираешься делать? Не делай глупостей! — в ужасе наблюдал Ван Даху, как Ли Цинжань достал из кармана нож.

Его лицо было спокойным — пугающе спокойным.

— Это подарок, который ты дал мне в день нашей свадьбы. Я помню, ты тогда сказал мне: «Жаньжань, я всю жизнь буду стараться сделать тебя счастливым. Если в будущем я предаю тебя или причиню тебе боль, ты убей меня этим ножом»... Знаешь, когда я услышал это, мне было так радостно.

Капля, ещё капля — по его щекам потекли холодные слёзы.

Это был второй раз, когда Ван Даху видел, как плачет Ли Цинжань.

В первый раз это было, когда он умер: Ли Цинжань, обнимая его окровавленное тело, рыдал в отчаянии.

Теперь же его слёзы были тихими, наполненными сладкими воспоминаниями.

Внезапно Ван Даху охватило ужасное предчувствие.

Он изо всех сил закричал, пытаясь вырвать нож из рук Ли Цинжаня.

Но это было бесполезно.

Потому что он был призраком.

Потому что он уже давно мёртв.

Когда холодное лезвие глубоко врезалось в тонкое запястье, а алая кровь хлынула наружу, словно вода из крана, Ван Даху сломался.

Что может быть мучительнее, чем видеть, как умирает любимый человек прямо у тебя на глазах, и быть совершенно бессильным?

Несколько месяцев страдал Ли Цинжань, теперь пришла его очередь.

— Жаньжань... Жаньжань... — в эту минуту Ван Даху ненавидел ту женщину, убившую его.

Он так жалел.

Если бы он знал, что уйдёт так рано, он никогда бы не позволил себе влюбиться в него.

Тогда, возможно, он бы не сделал такой глупости.

— А-а-а-а! — сердце Ван Даху разрывалось от боли, сильнее, чем от того ножевого ранения. — Кто-нибудь, кто-нибудь, спасите его... Спасите моего Жаньжана...

Среди мучительных воплей он наблюдал, как белая рубашка пропитывается кровью.

Кровью, которая окрасила его холодное надгробие.

— Даху, — Ли Цинжань соскользнул на землю, простерев руки к пустоте. На его лице застыла улыбка освобождения и покоя, но в тот момент, когда Ван Даху попытался схватить его, руки бессильно упали.

— Цинжань! — раздался пронзительный вопль.

Ван Даху почувствовал, как под ногами внезапно разверзлась бездна. Он падал и падал, теряя сознание в этом головокружительном падении.

— Даху, Даху... — чей-то голос срочно звал его совсем рядом. Веки Ван Даху дрогнули, и голос зазвучал ещё тревожнее:

— Даху, Даху...

Ван Даху наконец открыл глаза, и перед ним предстало морщинистое лицо.

— Ну вот, ну вот, парень очнулся! — раздался другой старческий мужской голос. — У него ещё немного опух затылок, я сейчас схожу в сельский медпункт за противовоспалительными, через пару дней снова будет бегать, как заводной.

— Да, да, мой Даху в порядке! — старушка приподняла его на кане и прижала к себе, тихонько укачивая. — Даху, тебе ещё больно? Глянь, весь в слезах...

Лицо Ван Даху выражало растерянность, граничащую с невероятностью.

Он часто заморгал, неуверенно спросив:

— Бабушка?

— Ну конечно, бабушка! — старушка ласково погладила ладонью щеку любимого внука. — Ах ты ребёнок мой, какой же ты непоседа! Зачем полез на ту высокую софору? Вишь, упал с дерева, ударился головой, чуть бабушку не убил со страху-то!

Ван Даху окончательно опешил.

В чём дело?

Что вообще происходит?

Разве бабушка не умерла уже несколько лет назад? И ещё... его голос... звучал так, словно... словно...

Едва сдерживая дрожь, Ван Даху поднял свои руки.

Тёмные, пухлые, явно детские руки.

— Даху, что с тобой? Старик, иди посмотри, с нашим Даху что-то не так! — испуганно закричала старушка, боясь, что её внук ушиб голову.

Ван Шоуминь тоже заволновался и поспешил подойти, чтобы внимательно осмотреть мальчика:

— Хуцзы, как ты себя чувствуешь? Голова ещё болит?

Ван Даху моргнул и растерянно ответил:

— Дедушка... мне... сколько мне лет?

— Что с тобой стряслось? В этом году тебе как раз семь стукнет! — увидев, что дело плохо, старик схватил стёганный ватник и собрался слезать с кана. — Нет, я всё-таки повезу Хуцзы в уездную больницу!

В этот момент Ван Даху немного пришёл в себя, и выражение его лица вдруг изменилось. Он срочно схватил дедушку за край одежды:

— Дедушка, я в порядке, просто немного голова кружится после того, как проснулся. Теперь уже лучше!

Старики смотрели на него с недоверием.

Особенно бабушка, которая задала ещё несколько вопросов, например: «Как зовут родителей?» и «Где ты живёшь?».

Только когда Ван Даху ответил на все вопросы, они наконец успокоились.